

Мариво.
«Игра любви
и случая».
Реж. Ж.-П. Венсан.
Театр
«Нантер-Амандье»
во МХАТе
им. Чехова

Ольга ФУКС

«Чтобы статья была хорошая!» — полушутливо приказала мне одна француженка, приглашая на спектакль театра «Нантер-Амандье» «Игра любви и случая» по пьесе Мариво. Наказ оказался вполне выполнимым, так как привезенный на сей раз французами спектакль и впрямь впечатляет. Особенно хорош исполнитель главной мужской роли Жером Киршер с чуть угловатой и взрывной пластикой, с чистой и серьезностью на лице а la Жан-Луи Барро в «Детях райка». Поставил «Игру любви и случая» Жан-Пьер Венсан — друг и соратник знаменитого Патриса Шеро.

Женитьба по-галльски

Венсан начинал с ним еще в театральной группе при Лицее Людовика Великого, а затем, пройдя через руководство многими театрами, в том числе и «Комеди Франсез», Венсан вновь пришел к Шеро и заменил его на месте лидера театра «Нантер-Амандье» в пригороде Парижа (этот театр уже приезжал в Москву десять лет назад с «Гамлетом» в постановке Патриса Шеро и произвел фурор).

Французы обращаются к своему театральному Просвещению гораздо чаще, чем мы к своему. И в этом смысле Мариво судьбой не обижен. С французских подмостков не сходит его пьеса — о случайности, которая переворачивает мир. О театральном розыгрыше, который выявляет истинную суть вещей так, как никогда бы не раскрыл ее ни один прямолинейный разговор. О пре-

вратностях любви, когда человеку интересны не только и даже не столько его избранница или избранник, сколько он сам, враз изменившийся до неузнаваемости, незнакомый самому себе.

Двое старинных друзей решили познакомиться и поженить своих детей, не давая, однако, на их волю. Потенциальным жениху и невесте независимо друг от друга приходит в голову одна и та же мысль: пожениться со слугой и со служанкой костюмами и ролями, чтобы, оставаясь неузнанным, получше приглядеться к своему суженому. Так, надев театральный костюм, другую социальную маску, и разыгрывая чужую роль, человек начинает путь к себе истинному, прорывается сквозь сотни условностей, и общественных и своих, боится отказать, но все же отказывается от всего лишнего и наносного в себе. Жан-Пьер Венсан и его сценические помощники (отец и сын невесты, которые знают все) умело доводят ситуацию до тревожного предела, не давая разыгравшимся чувствам героев никакого спуска. А те, скользя по ниточке натянутой роли как по канату, не раз готовы отказаться от своего пути и сбежать в знакомую крепость своих условностей и не бороться больше за свое счастье. Люди в жизни, кстати, часто поступают именно так.

Но театр — не жизнь, и все здесь доходит до логической завершенности. Мужчине свойственно раньше сорвать с себя маску, женщине свойственно играть роль до конца и добиться полной победы, хотя страх потерять ее, победу, меняет женщину до неузнаваемости — и гораздо сильнее, чем мужчину. А когда маски сорваны, секреты раскрыты, две пары — слуг и господ, переодетых в свое настоящее платье, — соединились, и именно на той социальной ступени, которая была им всем отпущена судьбой. Но в спектакле Венсана радуется их больше не счастливая развязка, а что-то совсем другое. Женщина любит мужчину за то, что смогла победить его, мужчина любит женщину за то, что смог доказать ей, чего он стоит.

В этом спектакле слышится пастернаковская строчка: «Достигнутого торжества/ игра и мука —/ натянутая тетива /тугого лука». По несчастью или к счастью, но сермяжная правда такова, что человек не может долго натягивать тетиву, как, впрочем, и жить в состоянии натянутой тетивы.

В игре зеркал, любви и случая герои Мариво ищут самих себя